

УДК 327.8

ХЛОПОВ Олег Анатольевич — кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6; rggv2007@rambler.ru)

ЭВОЛЮЦИЯ КРИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье представлены причины возникновения критических подходов к изучению проблем безопасности в области международных отношений. Автор дает краткий обзор ключевых подходов, точек зрения и концепций, которые составляют так называемые критические исследования в области безопасности (*critical security studies*) и выступают как академическая дисциплина и как научный подход в дискурсах по проблемам безопасности. Сформулированные новые концепции и идеи в рамках критических исследований на основе методологии социального конструктивизма расширили и углубили природу и масштаб ранее традиционного понимания безопасности, которое сводится только к защите государства от военных угроз. Благодаря новым взглядам на феномен безопасности работы ученых критических исследований заняли видное место в изучении проблем национальной и международной безопасности за последние десятилетия.

Ключевые слова: международные отношения, безопасность, критические исследования, угрозы, конструктивизм, секьюритизация, идентичность

Изучению проблем безопасности всегда уделялось значимое место в академических дисциплинах, связанных с международными отношениями и внешней политикой. Безопасность в международно-политических исследованиях понимается как область знаний, сосредоточенная вокруг набора основных, но фундаментальных вопросов, ответы на которые изменились и будут меняться со временем. Исследования проблем безопасности являются важной дисциплиной и частью предметного поля мировой политики, хотя в разных местах им давали разные названия. Например, в США предпочтение отдавалось исследованиям национальной безопасности (*National Security Studies*), а в Великобритании это стратегические исследования (*Strategic Studies*).

Традиционные исследования в области международных отношений рассматривают безопасность как политику, направленную на предотвращение радикальных и революционных изменений в системе международных отношений. Ключевой темой исследований в области безопасности, по словам одного из самых убежденных сторонников неореализма в международных отношениях К. Уолта, стало «изучение угрозы, использования и контроля военной силы» [Walt 1991]. Целью исследований была интерпретация мира военной стратегии; предоставление рекомендаций политикам и военным, которые контролируют вооруженные силы государств, особенно ядерное оружие, что было во многом частью понимания цели исследования безопасности.

На основании данных, полученных в ходе «холодной войны», многие аналитики пришли к выводу, что война и конфликты действительно являются центральной характерной чертой международной системы. В системе такого типа государства являются ключевыми акторами, и они существуют в условиях анархии, когда нет глобальной власти, способной управлять мировыми делами.

Война и угроза применения силы стали частью уравнения безопасности, а распространенность военных угроз была в фокусе внимания для исследова-

ний в области безопасности. Теория реализма обеспечила интеллектуальную поддержку новому направлению исследований и целой дисциплине в рамках изучения международных отношений, которая стала известна как исследования национальной безопасности в США и стратегические исследования в университетах Великобритании. В период с 1940-х по 1980-е гг. эта область исследований доминировала, ее аналитики приступили к рассмотрению того, как политика, география, экономика и военная мощь взаимосвязаны с заботой государства о своей безопасности.

Однако, учитывая, что в центре анализа оказались возможности столкновения между сверхдержавами, стратегические исследования вскоре подверглись резкой критике за их узкую направленность и игнорирование более широких проблем и других объектов безопасности. Эта узкая направленность и тенденция к игнорированию невоенных вопросов вскоре привели к тому, что многие ученые стали призывать к перестройке этой дисциплины. Среди наиболее известных первых сторонников нового подхода были Ричард Уллман и Джессика Мэтьюс. В 1980-е гг. Р. Уллман утверждал, что на протяжении всего периода «холодной войны» каждая администрация в Вашингтоне определяла американскую национальную безопасность в военных терминах, и это привело к снижению значимости многих невоенных угроз. Ближайшие десятилетия, вероятно, будут определяться новыми видами угроз: не столько идеологией и конкуренцией за территорию, сколько опасностями перенаселения, экологическими угрозами, с которыми сталкиваются государства [Ullman 1983].

Опираясь на те же опасения, Дж. Мэтьюс отметила, что, хотя в 1970-е гг. определение американской национальной безопасности действительно было расширено и включило экономические вызовы США, глобальные изменения в 1980-е гг. ознаменовали необходимость более глубокой концептуализации концепции безопасности, включая исследования роли ресурсов, окружающей среды и демографические вопросы [Mathews 1989: 163].

Опубликованная в 1983 г. работа Б. Бузана «Люди, государства и страх» оказала существенное влияние на критику преобладающих государствоориентированных взглядов на международную систему, сумела побудить многих экспертов и аналитиков признать наличие специфических невоенных компонентов национальной безопасности. Б. Бузан утверждал, что военная безопасность государства является лишь одной из составляющих национальной безопасности, и государствам стоит также помнить об угрозах своей политической системе, своим экономическим ресурсам, своему обществу и окружающей среде. С этой точки зрения, помимо политических и военных аспектов безопасности, следует учитывать экономические, социальные и экологические факторы безопасности [Buzan 1983].

По мнению Б. Бузана, понимание национальной безопасности должно быть расширено для решения системных проблем, затрагивающих отдельных лиц, государства и всю международную систему. Автор к традиционным проблемам безопасности добавил невоенные аспекты безопасности и разделил последние на пять секторов: «1) военный — значение силового принуждения и роль военной силы; 2) политический — отношение к власти; 3) экономический — значение торговли, финансов и производства; 4) социальный — значение коллективной идентичности; 5) экологический — связь между деятельностью человека и планетарной биосферой» [Buzan, Wæver, Wilde 1997].

Хотя в 1980-е гг. появились новые идеи о невоенном характере проблем безопасности, однако такие темы, как сдерживание, ядерные и обычные

вооружения, баланс сил и возможности сверхдержав по проецированию силы оставались центральными в изучении национальной и международной безопасности. Так продолжалось до тех пор, пока не закончилась «холодная война», что привело к снижению напряженности между двумя сверхдержавами и к переориентации анализа проблем безопасности от узких задач стратегических исследований к более широкому пониманию сущности безопасности.

Внезапно более ранние работы таких ученых, как Дж. Мэтьюз и Р. Уллман, Б. Бузан, начали привлекать все больше внимания исследователей, в частности, второе и значительно расширенное издание книги Бузана «Люди, государство и страх» было опубликовано в 1991 г. [Buzan 1991].

Последовавшие после распада СССР перемены, возникновение постбиполярного мира, а также явный провал политического реализма, теории, которая лежит в основе традиционных исследований безопасности, открыли путь к изучению глобальных проблем безопасности. Реалистский взгляд на природу международных отношений не смог предсказать конец «холодной войны» и даже объяснить его, когда он уже произошел. Эти два фактора создали условия для появления критических научных работ по вопросам безопасности, того, что впоследствии получило название «критические исследования в области безопасности» (*Critical Security Studies*).

Сам термин «критические исследования» появился на полях конференции, состоявшейся в Йоркском университете в 1994 г. и послужил названием публикации, выпущенной по результатам работы этой конференции под редакцией К. Краузе и М. Уильямса «Критические исследования безопасности: концепции и примеры» [Critical Security Studies... 1997]. Эта работа по-прежнему считается важной отправной точкой появления новых идей и подходов в области изучения безопасности. Она дала импульс формированию научного подхода, вокруг которого смогли объединиться множество направлений интеллектуального развития по переосмыслению концепции безопасности.

История критических исследований безопасности

Многие исследователи и аналитики бросили вызов существующим представлениям о безопасности. Этот вызов основан на критической интерпретации тезиса о том, что государственный суверенитет равен безопасности.

Показательно, что единого общепринятого определения термина «критические исследования безопасности» не существует. К. Краузе и М. Уильямс выступили против попыток дать четкое теоретическое определение, поскольку, по их мнению, название «критические» для исследований безопасности подразумевает скорее ориентацию на дисциплину по исследованию безопасности, чем на точную критическую теорию [Critical Security Studies... 1997]. Для других исследователей критическая теория не является последовательным и единым научным подходом к изучению проблем безопасности, а скорее разрозненными направлениями теоретических научных исследований, включающих феминизм, критическую теорию, постколониализм, конструктивизм, критическую геополитику и др., которые разделяют схожую оппозицию традиционным исследованиям безопасности [Contemporary Security Studies 2010].

Термин «критические исследования безопасности» также можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. Для К. Бута критическая теория означает теоретическое и критическое исследование онтологии и практики безопасности [Critical Security... 2005: 259-278], в то время как Б. Бузан и

О. Вэвер и другие акцентируют внимание на проблемах отдельных индивидов и деконструкции предыдущих конструкций безопасности [Buzan, Wæver, de Wilde 1997].

В целом, можно констатировать, что «критические исследования безопасности» – это академическая дисциплина в области исследований безопасности, которая отвергает традиционные подходы к пониманию безопасности, основанные на национальном суверенитете государства и военизированных концепциях безопасности, и предлагает различные взгляды, основанные на негосударственных и немилитаризованных парадигмах. Эти критические исследования основываются на новых школах в политической науке, направленных на более широкую интерпретацию понятия безопасности, которая охватывает экономические, социальные, политические и экологические аспекты и проблемы.

Основные школы критических исследований безопасности

Ряд ученых, в основном из университета Миннесоты и Йоркского университета, развивали идеи конструктивизма в отношении безопасности [Milliken 2001; Williams 1998]. В других исследовательских центрах ученые опираются на идеи, почерпнутые из французской социальной теории [Campbell 1992]. Ряд исследователей размышляли о роли гендера в международных отношениях и международной безопасности [Sylvester 1994]. В то же время возникли и другие направления мысли, которые использовали формы социальной критики, но впоследствии не были охвачены ярлыком «критические исследования безопасности».

Социальный конструктивизм как одна из доминирующих теорий международных отношений для многих исследователей международной безопасности был выбран в качестве методологической основы изучения феномена безопасности.

А. Вендт, один из главных исследователей социального конструктивизма в области международных отношений, выступает с критикой утверждения реалистов, что международная анархия является объектом реальности. Напротив, пишет он, – она конструируется реалистами для удобства защиты национальной безопасности [Wendt 1992].

Конструктивизм основывается на базовом представлении о том, что социальная жизнь является продуктом социальной практики и что интересы акторов и сама реальность международных отношений обусловлены постоянно меняющимся социально-культурным контекстом. Представители конструктивизма также предположили, что будущее безопасности, по крайней мере частично, открыто, поскольку формирование этого будущего будет зависеть от социальной практики, а не от «незыблемых объективных законов» [Wendt 1999].

К. Краузе в рамках исследовательской программы новых представлений о безопасности, изложенных в книге «Критические исследования безопасности: концепции и примеры», определяет три направления исследований: построение угроз и ответов; строительство объектов безопасности; возможности трансформации дилеммы безопасности [Krause 1998]. Предположение, лежащее в основе этой классификации, состоит в том, что безопасность заключается в выявлении угроз конкретному референтному объекту и формулировании политических ответов на эти угрозы. Традиционные исследования безопасности легко приняли бы это понятие безопасности, но дали бы на каждый из них свои ответы: угрозы носят военный характер, референтным объ-

ектом является государство, а меры реагирования являются сферой действия стратегической политики.

Ученые-конструктивисты, в частности, подчеркнули роль дискурса и идентичности, которые играют ключевую роль в политике безопасности, привлекая внимание к изменчивому и противоречивому характеру коллективной идентичности. Мышление в терминах социального конструирования открывает перспективу других ответов на вопросы о безопасности, а ключевым становится вопрос: как можно изменить способы обеспечения безопасности. Ответы на этот вопрос основаны на предположении, что социальные нормы являются важной частью глобальной политики и международной безопасности. Вопросы о роли нормативных ограничений по использованию оружия [Price 1997; Tannenwald 2007] и о том, как нормы создаются и институционализируются в современном международном обществе для обеспечения безопасности [Tannenwald, Wohlforth 2005], также нашли отражение в исследованиях по безопасности. В частности, было указано на значение норм, особенно в связи с появлением Оттавской конвенции о запрете противопехотных мин [Price 2004].

На сегодняшний день можно выделить две основные школы критических исследований безопасности: копенгагенскую и валлийскую.

Копенгагенская школа исследований безопасности является частью постпозитивистского направления в изучении международных отношений. Упомянутая книга Б. Бузана 1983 г. «Люди, государства и страх: проблема национальной безопасности в международных отношениях» сформировала основу академической мысли школы [Buzan 1983]. Сторонники этой школы указывают на способ взаимодействия различных типов вопросов безопасности с внутренней политикой. Опираясь на идеи онтологии конструктивизма в области международных отношений, представители копенгагенской школы рассматривают угрозы национальной безопасности как социально сконструированные проблемы. Безопасность, по их мнению, является социально сконструированным и весьма субъективным феноменом.

Секьюритизация (*securitisation*) — одна из ключевых концепций копенгагенской школы, посредством которой акторы превращают обычные вопросы внутренней политики в вопросы высокой политики, затрагивающие государства на национальном уровне, т.е. в проблемы национальной безопасности. Одна из основных проблем безопасности, по мнению сторонников этой школы, заключается в том, что то, что считается угрозой в одной стране, не обязательно может считаться угрозой для другого государства. Во многих случаях разные государства сталкиваются со своим собственным уникальным набором проблем, характерных для их окружения и региона.

Еще одна теория — теория комплекса региональной безопасности (*Regional Security Complex Theory — RSCТ*), разработанная ведущими учеными копенгагенской школы Б. Бьюзенем и О. Вэвером и развитая в их работе 2003 г. «Регионы и державы: структура международной безопасности» [Buzan, Wæver 2003], возникла в результате признания того, что полное понимание динамики глобальной безопасности требует большего внимания к региональному уровню анализа.

Стремясь создать основу для анализа безопасности на внутреннем, региональном, межрегиональном и глобальном уровнях, авторы теории в значительной степени опираются на предположения, лежащие в основе секьюритизации. *RSCТ* исходит из того, что проблемы безопасности могут быть сгруппированы вокруг географически различающихся региональных комплексов.

Теория определяет комплекс региональной безопасности как группу государств, чьи основные проблемы национальной безопасности настолько тесно переплетены, что их невозможно выделить или решить независимо друг от друга [Buzan 2003].

По мнению Б. Бузана и О. Вэвера, простое физическое соседство имеет тенденцию к более глубокому взаимодействию в области безопасности между соседями, чем между государствами, расположенными в разных регионах мира. Исследователи строят свою концепцию на основе неореалистической школы международных отношений, подчеркивая важность принятия решений на региональном уровне, в отличие от преобладающей глобальной повестки дня. Согласно *RSCT*, комплексы региональной безопасности не могут быть поняты путем простого изучения материальных различий между акторами, например размера их вооруженных сил или ядерного арсенала, а следует уделять внимание тому, как акторы интерпретируют такие существенные факты.

Хотя представители копенгагенской школы разделяют традиционные военные аспекты безопасности, их концептуальный аппарат различается: в нем сочетаются неореалистические и социальные конструктивистские концепции. В целом, копенгагенская школа призывает к расширению концепции безопасности, выводя ее за рамки традиционалистских парадигм, и выдвигает на первый план процесс секьюритизации политических вопросов.

Валлийская (иногда аберистуитская) школа исследований безопасности представляет собой критический подход к анализу феномена безопасности с опорой на идеи франкфуртской школы, видными представителями которой являются Т. Адорно, Ю. Хабермас, и мысли А. Грамши. Исследователи этой школы, включая ведущих теоретиков К. Бута и Р. Вин Джонса, обратились к критической теории международных отношений, которая отвергает позитивистские теории (реализм/неореализм, либерализм, неолиберальный институционализм) для изучения проблем безопасности [Booth 2007]. Более того, в отличие от копенгагенской школы, которая считает, что только угрозы безопасности являются социально сконструированными, а объекты безопасности стабильны, сторонники этого направления считают, что как угроза, так и объект являются социальными конструкциями [Mutimer 2016: 95]. При этом интерсубъективность в значительной степени определяет разнообразие точек зрения на безопасность, что делает ее еще более спорной концепцией [Contemporary security studies 2010: 3].

Концептуальное содержание валлийской (уэллской) школы развивается в рамках так называемой теории эмансипации (*emancipatory theory*). Согласно К. Буту, эмансипация – это единственный способ достичь настоящей безопасности – свободы кого-либо или любой группы от любых угроз или ограничений, которые сокращают свободу выбора [Booth 1991].

Сторонники валлийской школы внесли определенный вклад в представление о безопасности. Во-первых, они углубили понимание безопасности, рассматривая ее как более глубокое отражение природы политики. В своей книге «Теория мировой безопасности» К. Бут объяснил это, используя четыре разных политических подхода, а именно реализм, марксизм, феминизм и расовую теорию, которые позволяют, в конечном итоге, говорить о более широкой структуре безопасности [Booth 2007: 155-157].

Во-вторых, исследователи этой школы расширяют проблему безопасности, рассматривая и другие угрозы национальной и глобальной безопасности, такие как преступность, экономический кризис, разрушение окружающей

среды, этническое соперничество, болезни, перенаселение, политические репрессии и терроризм [Wyn Jones 1999: 104].

В то же время утверждения данной школы имеют некоторые ограничения. Настаивая на том, что индивид является основным референтом в вопросах безопасности, ученые этой школы избегают государствоориентированного подхода. Это определение не учитывает возможность достижения эмансипации, не будучи в безопасности, которую гарантирует государство.

Подводя итог рассмотренной эволюции критических исследований в области безопасности, можно констатировать, что сам термин «критические исследования безопасности» чаще используется для обозначения некоторых подходов в исследовании безопасности и как подобласть исследований безопасности. Этот термин также используют для определения набора альтернативных концепций и теорий в области безопасности, таких как теория эмансипации, концепция секьюритизации, теория комплекса региональной безопасности. При этом ряд важных факторов, влияющих на безопасность, — идентичность, коллективная память, политический дискурс, понятия угрозы и безопасности — рассматриваются на основе социального конструктивизма.

Современные исследования по международным отношениям в области безопасности отличаются широтой и глубиной освещения различных теоретических подходов. Они охватывают постоянно меняющийся круг вопросов, которые доминируют в повестке дня безопасности в XXI в. — от военной угрозы, терроризма и межгосударственных вооруженных конфликтов до кибербезопасности, здравоохранения и транснациональной преступности, массовой культуры и ее последствий для безопасности.

После распада СССР, исчезновения идеологического противостояния и победы «либерально-демократических ценностей» и рыночной экономики исследователи постоянно стали ставить под сомнение традиционное определение безопасности, которое по-прежнему является важным источником разногласий по поводу природы безопасности.

Ученые-традиционалисты, такие как С. Уолт, призывали ограничить фокус этой дисциплины (*Security Studies*) изучением угрозы, использования и контроля военной силы. Сторонники такого подхода опасаются, что и концепция безопасности, и область исследований безопасности потеряют интеллектуальную последовательность, если их чрезмерно расширять. Другие исследователи, не отрицая важности фактора военной силы и силового противоборства между государствами, указывают, что есть и другие важные компоненты безопасности, а само представление об угрозах безопасности может восприниматься различными акторами по-разному.

Таким образом, сегодня изучение безопасности вышло за рамки традиционных привязанностей государств к военной мощи и включает такие проблемы, как нехватка ресурсов, деградация окружающей среды, миграция населения и др. Вклад представителей критических направлений в изучение безопасности состоит в том, что их исследования расширили и углубили природу и масштаб ранее ограниченной концепции безопасности. Критические исследования в области безопасности заняли видное место в лексиконе международных отношений и в исследованиях проблем национальной и международной безопасности за последние десятилетия.

Список литературы

Booth K. 1991. Security and Emancipation. — *Review of International Studies*. Vol. 17. No. 4. P. 313-326. <https://doi.org/10.1017/S0260210500112033>.

- Booth K. 2007. *Theory of World Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 489 p.
- Buzan B. 1983. *People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. University of North Carolina Press. 262 p.
- Buzan B. 1991. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. 2nd ed. London: Harvester Wheatsheaf. 393 p.
- Buzan B. 2003. Regional Security Complex Theory in the Post-Cold War World. Theories of New Regionalism. – *Theories of New Regionalism. International Political Economy Series* (ed. by F. Söderbaum, T.M. Shaw). London: Palgrave Macmillan. P. 140-159. https://doi.org/10.1057/9781403938794_8.
- Buzan B, Wæver O. 2003. *Regions and Powers: The Structure of International Society*. Cambridge, United Kingdom: The Press Syndicate of the University of Cambridge. 584 p.
- Buzan B, Wæver P., de Wilde J. 1997. *Security: A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner Publishing. 239 p.
- Campbell D. 1992. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 269 p.
- Contemporary Security Studies*. 2nd ed. (ed. by A. Collins). 2010. Oxford: Oxford University Press. 510 p.
- Critical Security Studies and World Politics* (ed. by K. Booth). 2005. London: Lynne Rienner Publishers. <https://doi.org/10.1515/9781685857356>
- Critical Security Studies: Concepts and Cases* (NED-New edition) (ed. by K. Krause, M.C. Willams). 1997. University of Minnesota Press. 408 p.
- Krause K. 1998. Critical Theory and Security Studies: The Research Programme of «Critical Security Studies». – *Cooperation and Conflict*. Vol 33. No. 3. P. 298-333. <https://doi.org/10.1177/0010836798033003004>.
- Mathews J. T. 1989. Redefining Security. – *Foreign Affairs*. Vol. 68. No. 2. P. 162-177.
- Milliken J. 2001. *The Social Construction of the Korean War: Conflict and Its Possibilities*. Manchester: University of Manchester Press. 258 p.
- Mutimer D. 2016. Critical Security Studies? – *Contemporary Security Studies*. 4th ed. (ed. by A. Collins). Oxford: Oxford University Press.
- Price R. 1997. *The Chemical Weapons Taboo*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. 233 p.
- Price R. 2004. Emerging Customary Norms and Anti-Personnel Landmines'. – *The Politics of International Law* (ed. by R. Price, C. Reus-Smit). Cambridge: Cambridge University Press. P. 106-130. DOI:10.1017/CBO9780511491641.006.
- Sylvester C. 1994. *Feminist Theories and International Relations in a Postmodern Era*. Cambridge: Cambridge University Press. 265 p.
- Tannenwald N. 2007. *The Nuclear Taboo: The United States and the NonUse of Nuclear Weapons since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tannenwald N., Wohlforth W. 2005. Introduction: Ideas, International Relations and the End of the Cold War. – *Journal of Cold War Studies*. Vol. 7. No. 2. P. 3-12. <https://doi.org/10.1162/1520397053630574/>
- Ullman R. 1983. Redefining Security. – *International Security*. Vol. 8. No. 1, summer. P. 129-153. DOI: <https://doi.org/10.2307/2538489>.
- Walt S.M. 1991. The Renaissance of Security Studies. – *International Studies Quarterly*. Vol. 35. No. 2. June. P. 211-239.
- Wendt A. 1992. Anarchy Is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics. – *International Organization*. Vol. 46. No. 2. P. 391-425. DOI:10.1017/S0020818300027764.

Wendt A. 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 429 p.

Williams M.C. 1998. Identity and the Politics of Security. – *European Journal of International Relations*. Vol. 4. No. 2. P. 207-28. DOI: <https://doi.org/10.1177/135406619800400200>.

Wyn Jones R. 1999. *Security, Strategy, and Critical Theory*. London: Lynne Rienner Publishers. 191 p.

KHLOPOV Oleg Anatol'evich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor at the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities (RGGU) (6 Miuskaya Sq, Moscow, Russia, 125993; rggu.2007@rambler.ru)

EVOLUTION OF CRITICAL SECURITY STUDIES

Abstract. *The article presents the reasons for the emergence of critical approaches to the study of security problems in the field of international relations. The author provides a brief overview of the key approaches, perspectives and concepts that have helped to form the so-called critical security studies as an academic discipline and scientific approach to the study of international relations. New concepts and ideas within the framework of critical research based on the methodology of social constructivism have expanded and deepened the nature and scope of the previously traditional understanding of security, which comes down only to protecting a state from military threats. With new perspectives on the phenomenon of security, the works of critical studies scholars has taken a prominent place in the study of national and international security issues in recent decades.*

Keywords: *international relations, security, critical studies, threats, constructivism, securitization, identity*
